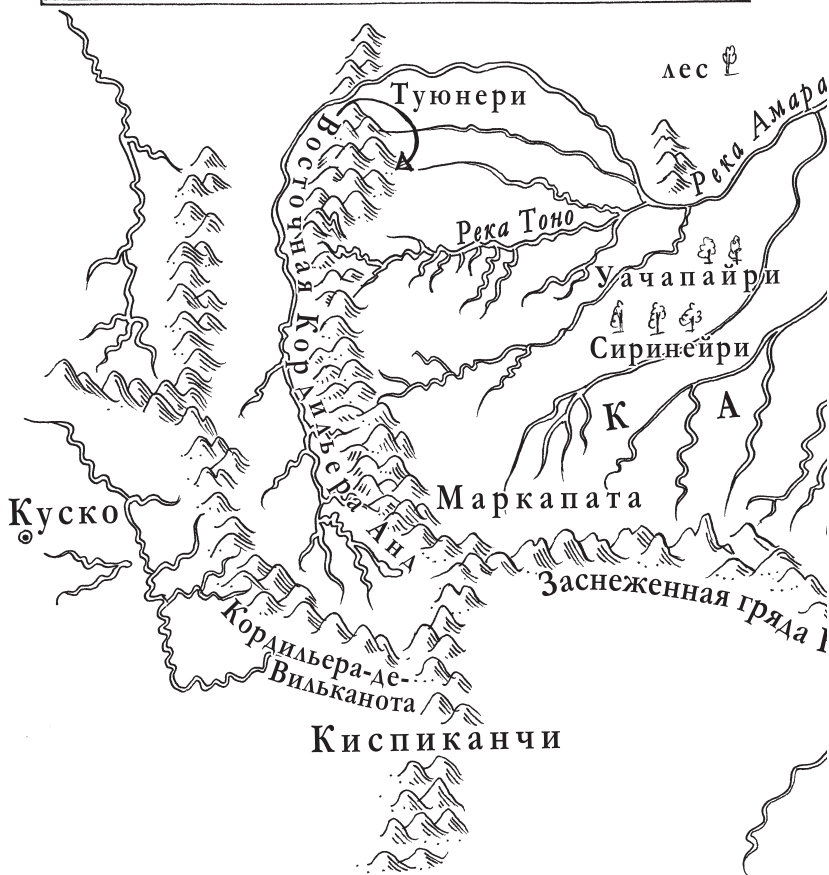
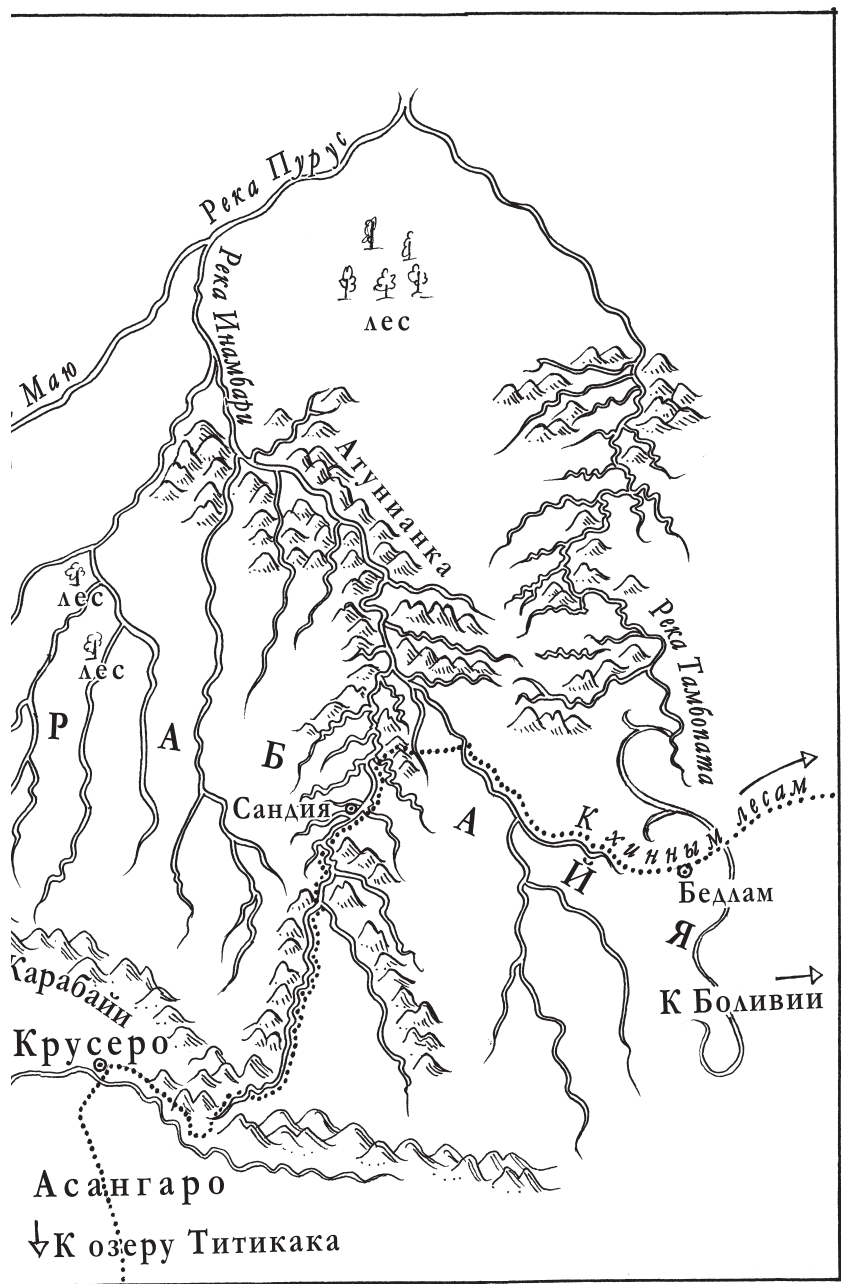

ПРОВИНЦИЯ КАРАБАЙЯ

1859 год

Путь Тремейна в 1859 году

Часть 1

1

*Имение Хелиган, Корнуолл
Август 1859 года*

Я не сразу понял, что прозвучавший взрыв не был выстрелом, хоть в меня и стреляли в последний раз годы назад. Я приподнялся на локтях с постели и выглянул в окно, но кроме россыпи разбившейся черепицы и мха на узкой, засыпанной гравием тропинке ничего не было. Ночью прошла сильнейшая гроза — одна из тех, что собираются несколько дней и от которых у всех болит голова, — дождь, должно быть, в конце концов ослабил старую кладку на крыше. Часы, укрытые стеклянным колпаком, пробили семь тридцать утра. Я застыл и прислушался. Несколько черепиц совершенно точно не могли разбиться с таким грохотом.

С растений, сохших на стропилах, в бумажные мешочки со стуком сыпались семена. Где-то над ними, на крыше, поскрипывал флюгер. Новых звуков падения слышно не было. Как только мое бешено стучащее сердце убедилось в отсутствии стрельбы, я попытался вытащить трость из-под своей собаки.

— Гулливер, — я легонько толкнул ее.

Она перекатилась на спину и застыла, подняв лапы вверх — те согнулись под собственным весом. Пока я одевался, она так и лежала в этой неестественной позе. Я потрепал Гулливер по ушам, она перевернулась и уткнулась носом в мой живот, пытаясь загнать меня обратно в постель. Собака была огромной, раскормленной и весила никак не меньше меня, так что ей это почти удалось, но даже с тростью я все же смог извернуться, чтобы не пойти на поводу у сонного сенбернара.

— Нет, прости. Пора на прогулку, — сказал я. — Давай проверим, цела ли оранжерея.

Гулливер фыркнула, но лениво выбежала из комнаты, когда я открыл для нее дверь. Мне пришлось нагнуть голову, так как стропила находились слишком низко. Гулливер была еще довольно молода, но шесть крутых ступеней она преодолела с грацией пожилой леди. Проход был таким узким, что боками собака касалась стен. Стенные панели были отполированы в некоторых местах — результат года утренних и вечерних прогулок. Без сомнения, за этой стеной следили больше, чем за какой-либо другой стеной в доме. Я начал спускаться вслед за собакой. Нога болела, но перед тем, как остановиться, я преодолел четыре ступеньки. Это было гораздо лучше того, как я передвигался полгода назад.

Окна коридора смотрели в сад. Они были сделаны из осколков старого витражного стекла, на которых угадывались обрывки латинских изречений и одеяния святых. Стекла звенели на ветру, сквозь щели проникали холод и сырость. Год назад, когда я вернулся домой после долгого отсутствия, меня еще долго приводили в ужас слизни и мох на внутренней стороне окон. Но со временем от безнадежности я перестал все это замечать.

Лестница тянулась дальше в темноту — десять ступеней, все разной высоты. Спускаясь, я придерживался рукой за стену, чтобы не упасть. Дверь внизу намертво заклинило в полу-

открытом состоянии. Гулливер с трудом протиснулась сквозь щель, а я прошел боком. Новый коридор был таким же грязным, что и предыдущий, но неожиданно выводил к главной лестнице. Вдоль нее по левую руку висели портреты покойных членов семьи Тремейнов и Лемонов, а над ними — портреты незнакомых мне людей в военной форме и элегантно помятых шелках. Внизу, рядом с дверью в кабинет Чарльза, были портреты тех немногих родственников, которых я знал лично: тетки, научившей меня стрелять, и нескольких братьев нашей матери. Последним висел портрет нашего деда, удивительно похожего на меня: он был тоже светловолосый и выглядел старше своего возраста. Там, где должен был находиться портрет отца, висел натюрморт с фруктами.

Пол был усыпан сосновой хвоей и щепками. Я поднял голову. В моей части дома было три этажа, а здесь прямо от лестницы шли галереи, в высоту простираясь до самой крыши. Окон не было, отчего тут всегда было мрачно. Своды балок отбрасывали глубокие тени.

Но теперь в крыше зияла огромная дыра, через которую свисала надломившаяся ветвь старой сосны. Та боролась с силой притяжения уже много месяцев.

Не утруждая себя ступенями, я съехал по перилам лестницы, а Гулливер вприпрыжку спустилась вслед за мной. Сквозь дыру в потолке шел дождь из сосновых иголок. Прежде чем под ним пройти, я на секунду замер, наблюдая за деревом и прислушиваясь, но стояла полная тишина.

Гулливер толкнула дверь мордой и вышла во двор. Она знала дорогу и потрусила вокруг дома — к окнам в кабинет Чарльза. Добежав, она завияла хвостом — тот заходил по земле туда-сюда, окатывая меня дождевой водой из луж, которыми была покрыта тропинка и газон. В лужах отражалось серо-лавандовое небо.

Снаружи дерево выглядело нормально, если не считать сломанной ветви, пробившей дыру в крыше. На самом деле я не знал, как оно называется — некая разновидность секвойи, но белая, как береза, и разросшаяся до чудовищных размеров. При этом иголки оставались короткими, а значит, сосна должна была вырасти еще раз в десять. Белую кору покрывали странные наросты и короткие, недоразвитые ветки без иголок. В кроне дерева вороны свили множество гнезд. И хотя обычно по утрам стоял шум и гвалт, сегодня все птицы, должно быть, разлетелись по своим вороньим делам.

Я постучал в окно Чарльза. Его силуэт с трудом поднялся и покачнулся на костылях. Когда Чарльз подошел к окну и оказался рядом с моим отражением в сиреновом утреннем свете, я отметил, что выглядели мы почти одинаково.

— Я вызову садовников, чтобы они поднялись и срубили эту ветку, пока она не упала, — сказал я через стекло и отклонился назад, пока Чарльз открывал окно. Раму заклинило, и ему пришлось приложить силу. — Что нам делать с крышей?

— Мы не будем ничего делать с крышей, — ответил он. — И мне бы не хотелось видеть садовников в доме.

— А мне бы не хотелось видеть дерево в доме, — парировал я. — Так что оставайся у себя и не смотри.

Я услышал скрежет пилы и обернулся. Стоявшие у дерева садовники начали распиливать ствол. Я не увидел их, когда выходил из дома: для этого мне надо было подойти к белой сосне с другой стороны. Они уже успели обвязать дерево веревками, чтобы направить падение в нужную сторону.

— Что они делают? — медленно спросил я.

— Срубают дерево. Ты прав, оно опасно. И так мы получим бесплатные дрова.

Я не стал говорить, что с учетом усилий, потребовавшихся, чтобы привезти это дерево сюда, идея пустить его на дрова была сродни использованию фунтовых банкнот для рас-

топки печи, и даже дороже. Оно было из Перу, и наш дедушка специально для него построил одну из теплиц. Но я знал, что на это ответил бы Чарльз. Он сказал бы, что это не фунтовые банкноты, и пусть было потрачено много денег на перевозку и выращивание дерева, но здесь теперь оно не стоило ничего. Пустить его на дрова было сродни сжиганию рупий, если ты никогда больше не собираешься вернуться в Индию и не знал никого, кто хотел бы туда отправиться.

— Чарльз, не надо, — попытался возразить я.

— Мы уже не можем позволить себе хранить вещи из сентиментальности.

— И это при том, что восемнадцать комнат из двадцати завалены хламом десяти поколений...

— В любом случае глупо оставлять такое дерево рядом с домом. Боже, его корни проросли сквозь пол на кухне!

Я выдохнул, стараясь не злиться. Я вырос, бегая в корнях этого дерева. Мы с папой забирались на нижнюю ветку, и он читал мне истории. Но все это не имело значения для Чарльза, и ничто не могло его переубедить. Он ненавидел нашего отца. Ненавидел настолько, что, если бы я рассказал о своей любви к нему, он посчитал бы мои слова странной ложью.

— Тогда пусть садовники заделают дыру в крыше, раз у нас появится древесина, — предложил я.

— Меррик, я же сказал, нам не по карману ремонт крыши. Я не могу нанять работников...

— В чертовой крыше дыра, Чарльз. А у нас есть дерево и одиннадцать садовников.

— Не ругайся. Крышу нужно починить должным образом...

— Но ты только что сказал, что мы не можем починить ее должным образом.

— Просто забудь об этом, — ответил Чарльз.

Я рассмеялся.

— Я не хочу мокнуть под дождем, когда захожу в дом, только потому, что гордость не позволяет тебе починить крышу. Ты делаешь хуже лишь самому себе.

— Я не против дождя, — пожал плечами он.

— Зато другие против.

— Меррик, я же сказал...

— Я слышал, что ты сказал, но это чушь, так что мы поступим иначе.

Чарльз проигнорировал мои слова.

— Тебе пришло письмо.

Увидев печать Министерства по делам Индии, я замешкался лишь на секунду, прежде чем убрал письмо в карман жилета. Мне нравилось спорить с Чарльзом: отстаивая свое мнение, я чувствовал, что еще не был сломлен до конца. Но при виде печати шрам на ноге пронзил болью, и мне пришлось идти медленнее обычного.

2

Гулливер вела меня по извилистой тропинке. Гравий чередовался с брусчаткой и просто примятым мхом, тянувшимся вдоль газона. У большого дерева тропинка вспучивалась, обнажая неровные корни. Раньше тут все покрывали заросли тропических растений: на заболоченных участках росли лилии с широкими, как тарелки, листьями, можно было обнаружить великолепную поляну с орхидеями и поросли насекомоядных шипастых растений, головки которых быстро захлопывались, стоило лишь дотронуться до них. Чтобы выровнять извилистую тропинку, Чарльз избавился от всех растений. Так было удобнее возить повозки с яблоками.

Я остановился и попросил садовников отложить древесину для крыши. Мужчины переглянулись и кивнули. Они не стали уточнять, почему мы не найдем рабочих из Труро для нормального ремонта.

После возвращения из Китая я быстро понял, что не смогу целыми днями находиться в четырех стенах, поэтому начал исследовать окрестности и заново открыл для себя старую оранжерею. Она находилась в долине, где не проводилось никаких работ со дня смерти нашего дедушки. С моря сюда иногда задувал сильный морской ветер, поэтому деревья долины расщепились и обрели странную форму. У некоторых листья росли лишь на одной стороне, а старый мертвый тис согнулся и лег прямо на стеклянную крышу оранжереи. Как бы часто я ни открывал двери, с них всегда сыпался мох и па-

уки. Когда я нашел это место, тут все было в дремучих зарослях. Никому не было до него дела, поэтому я забрал его себе. Мне никогда больше не стать садовником — таким, каким я был, но, хоть потеря профессии и подкосила меня, интерес к растениям остался прежним. У меня в оранжерее теперь росло сорок два вида папоротников и спасенных тропических растений, прижимавшихся из-за тесноты к самым стенам.

Оранжерея соседствовала с крошечным кладбищем. Покосившиеся надгробия выглядели так, словно кто-то разбросал их тут. Они располагались беспорядочно: какие-то ближе друг к другу, какие-то — дальше, а одно пряталось в корнях скрученного ветром дерева, расщепившего гранитную плиту. Когда-то здесь находилась часовня, но теперь от нее остались лишь несколько каменных ступеней да половина оконной рамы.

Могила папы сразу бросалась в глаза. Рядом с ней стояла статуя, обращенная лицом к надгробию — по крайней мере, раньше. После грозы прошлой ночью одно из деревьев упало туда, где она раньше стояла, но кто-то предусмотрительно передвинул ее на пятнадцать футов в сторону.

Подойдя к оранжерее, я увидел, что забыл закрыть дверь. Снова. Это не на шутку беспокоило меня: я был уверен, что закрыл ее. Без особой надежды я проверил замок изнутри. Ключа не было. Все бы ничего, но на том же кольце были ключи от дома. В третий раз я забывал закрыть дверь в оранжерею, и в третий раз вороны воровали ключи. Когда это случилось впервые, лишь спустя несколько дней я понял, куда они делись, и то по счастливой случайности. Тогда я забыл шиллинг на скамейке, и птицы вернули ключи, обменяв их на монету.

Я снял с полки банку с гвоздями и монетами, уселся и начал натирать их скипидаром. Когда они заблестели, я разложил их на пороге и замер, заметив, что пол в оранжерее сы-